

<https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-4-234-255>

<https://elibrary.ru/ZMDAUN>

УДК 821.111.0 + 821.161.1.0

Научная статья / Research Article

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ФАНТАСТИКА: 1950–1970-Е ГГ.

© 2024 г. Д.В. Новохатский

Аннотация: Альтернативная история в русской литературе после успешных экспериментов 1920-х гг. («БЕСЦЕРЕМОННЫЙ РОМАН») исчезает до периода Оттепели. В США в 1939 г. выходит в свет роман «Да не опустится тьма!», ставший классикой хронокоррекции, а в 1950–1960-х гг. формируется целый ряд моделей литературной альтернативной истории. За исключением антиальтернативной истории, не имеющей аналогов в англо-американской альтернативистике (роман Л. Лагина «Голубой человек»), русская литература активно использует эти модели в произведениях 1960–1970-х гг.: «эффект бабочки» («И грянул гром» Р. Брэдбери) реализуется в повести С. Гансовского «Винсент Ван Гог», идея превращения альтернативного мира в реальный («И будет праздник» У. Мура) лежит в основе рассказа «Демон истории»; как и в повести «Се человек» М. Муркока, темпоральная фантастика (путешествие во времени без целей изменения истории) в «Петле гистерезиса» И. Варшавского превращается в хронокоррекцию. Мотив хронопреступления, популярный у американских авторов («Патруль времени» П. Андерсона), в советской фантастике распадается на хроноархеологию (спасение артефактов из прошлого) и хроноконтрабанду (несанкционированный перенос предметов из прошлого в будущее). Возвращение русской литературы к традициям классической хронокоррекции (успешное запланированное изменение прошлого) происходит лишь в середине 1970-х гг. в детско-юношеском цикле Кира Булычева «Приключения Алисы».

Ключевые слова: фантастика, литературная альтернативная история, хронокоррекция, путешествие во времени, история литературы.

Информация об авторе: Дмитрий Владимирович Новохатский — кандидат филологических наук, доцент.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6309-5428>

E-mail: terobenni@mail.ru

Для цитирования: *Новохатский Д.В.* Альтернативная история в русской литературе и англо-американская фантастика: 1950–1970-е гг. // *Codex manuscriptus*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 4. С. 234–255. <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-4-234-255>

Известный теоретик литературы Дарко Сувин определяет научную фантастику как «литературный жанр, необходимым и достаточным условием существования которого является наличие и взаимодействие остранения и познания, а главным формальным приемом изображение придуманного мира, альтернативного эмпирической среде, в которой находится автор» [15, р. 7–8]. Эти принципы лежат в основе альтернативной истории: новый, воображаемый мир строится на остранении: уже известная фактическая история осмысливается по-новому; когнитивная же часть альтернативной истории — воплощение в изображаемой художественной реальности таких тенденций развития общества, которые существовали реально, но в силу объективных исторических закономерностей остались нереализованными.

Одним из центральных формально закрепленных когнитивных элементов (по Сувину) альтернативной истории является «точка бифуркации» — «такой период в развитии системы, когда <...> система перестраивается, выбирает один из возможных путей дальнейшего развития, то есть происходит некий фазовый переход» [7, с. 88]. Конкретно для альтернативной истории точка бифуркации — это такой момент прошлого, в котором происходит расхождение с объективно зафиксированной историей; авторы альтернативной истории «исходят из понимания того, что количество альтернативных вариантов развития любой ситуации во много раз превышает те возможности, которые реализовались в действительности» [16, р. 193].

Необходимо различать «чистую» альтернативную историю, в которой художественная реальность показана как объективная данность, и альтернативно-историческое путешествие в прошлое (альтернативно-историческое попаданчество; хронокоррекцию), допускающее перемещение во времени: точка бифуркации и следующая за ней альтернативная реальность представлены не как объективная дан-

ность, а как результат действий конкретного человека — попаданца (хронопутешественника) в прошлое.

В отличие от исторической науки, где сложилась определенная традиция альтернативно-исторического (контрфактического) моделирования, исследования художественных альтернативно-исторических произведений до настоящего времени носят спорадический характер; спорным является теоретический статус альтернативной истории (жанр, метажанр, тематическая группа), отсутствует признанная структурная и содержательная классификация, фрагментарно представлен анализ развития литературной альтернативной истории на различном национальном материале и ее периодизация. Цель статьи — осветить развитие альтернативной истории в русской литературе в связи с англо-американской фантастикой в 1950–1970-е гг.

Художественная альтернативная история в полноценном виде (т. е. осмысляемая и автором, и читателем как таковая) появляется уже в XIX в. — отметим, например, пионерский роман 1836 г. «Наполеон и завоевание мира» («Апокриф Наполеона») Луи Жоффруа (*“Napoleon et la conquête du monde (1812–1832)”*), изображающий счастливое окончание русской кампании и построение мировой империи под руководством Наполеона Бонапарта. Огромное влияние на развитие альтернативной истории оказал выход в свет в 1889 г. знаменитого произведения Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», в котором впервые используется мотив хронопутешествия в прошлое: попаданец-американец Хэнк Морган пытается построить новое прошлое сообразно своим представлениям о его правильности¹. Если «Янки...» носит явно сатирический характер, то роман «Аристопия: романная история Нового Света» (*“Aristopia: A Romance-History of the New World”*, 1895) Кастелло Холфорда закладывает в американской литературе «серьезную» традицию построения утопического альтернативного прошлого. Холфорд изображает альтернативную историю колонизации и первых десятилетий США, где иной путь развития помогает Америке стать мировым лидером к концу XIX в. Как замечает Б. Карвер, «несмотря на совершенно различные цели написания своих произведений, отсутствие или наличие сатиры, оба писателя — и Твен, и Холфорд — пытаются анализировать проблемы развития Америки в конце XIX столетия через возвращение к “правильной” политической жизни европейских государств» [11, р. 209].

¹ В дореволюционной России «Янки...» был хорошо известен: первый перевод на русский язык, выполненный Н. Федоровой, вышел в 1896 г., в 1911 г. был опубликован второй перевод авторства З. Журавской.

Освоение альтернативно-исторического дискурса русской литературой началось с небольшой оккультной повести «Кинемодрама (Не для кинематографа)»², написанной Петром Успенским и впервые напечатанной в 1910 г. «Кинемодрама...» описывает возвращение некоего Ивана Осокина на двенадцать лет назад, в собственную юность, в попытке изменить свое прошлое и прожить новую, лучшую жизнь. Вскоре появились русские альтернативно-исторические произведения, достаточно четко следующие канону, заложенному в американской литературе; их автором стал Михаил Первухин: в 1917 г. выходит в свет роман «Вторая жизнь Наполеона», а в 1924, в берлинской эмиграции, роман «Пугачев — победитель».

Как известно, «советская фантастика 1920-х годов и посвященная ей литературная критика находились еще в стадии становления. Это объясняет <...> поиск способов создания научно-фантастического художественного образа, научно-фантастического сюжета, героя» [4, с. 144]. В рамках этого поиска появляются первые «советские» альтернативные истории: роман Георгия Гайдовского «Картонный император» (1924), весь тираж которого был уничтожен, так как книга вызвала подозрение советских цензоров, и наиболее яркий образец раннего советского хронопопаданчества — «БЕСЦЕРЕМОННЫЙ РОМАН»³ (1928), созданный тремя авторами — Вениамином Киришгорном, Иосифом Келлером и Борисом Липатовым. По сюжету молодой русско-американский инженер Роман Владычин изобретает машину времени и *намеренно* переносится из 1922 г. на поле битвы при Ватерлоо, в 1815 г. Пользуясь послезнанием, Роман легко спасает армию Наполеона от позорного поражения и становится фактическим правителем Франции, после чего завоевывает Европу и организует мировую пролетарскую революцию. Несмотря на то, что Роман Владычин — первый «классический» русский попаданец, а «БЕСЦЕРЕМОННЫЙ РОМАН» — «первый роман, который можно назвать альтернативно-историческим в полном смысле этого слова» [6, с. 27], это произведение осталось малоизвестным и до настоящего времени лишь эпизодически упоминается в некоторых работах⁴.

² Также выходила под названием «Странная жизнь Ивана Осокина».

³ В тексте произведения авторы указывают, что название должно писаться заглавными буквами: так сохраняется омонимия термина *роман* и мужского имени *Роман*, и эпитет *бесцеремонный*, соответственно, характеризует как поведение главного героя, Романа Владычина, так и обращение авторов с историей.

⁴ Например, в монографии Е. Петуховой и И. Черного (Глава 1. Истоки современного русского историко-фантастического романа), см.: [8, с. 5–37].

По модели «БЕСЦЕРЕМОННОГО РОМАНА» построен американский альтернативно-исторический роман Л. Спрэг де Кампа «Да не опустится тьма!» (“Lest Darkness Fall!”), вышедший в 1939 г. Это вполне серьезная программа по коррекции истории: американский археолог Мартин Пэдуэй, попав из предвоенной фашистской Италии в раннесредневековое государство остготов, с помощью серии хитроумных изобретений предотвращает наступление «Темных веков» и изменяет ход мировой истории; прогрессорская «схема Пэдуэя ныне повторяется в большинстве попаданческих книг о всезнайке»⁵.

После 1920-х гг. тема альтернативной истории надолго исчезает из советской фантастики; «большинство советских писателей-фантастов предпочитало помещать утопию в более или менее отдаленное будущее, а не размышлять о возможностях, оставшихся в прошлом» [14, р. 23]. Причину отказа от альтернативной истории в русской литературе следует искать в сущности соцреализма и в марксистской концепции истории. Историческое развитие в марксизме мыслится как закономерная, детерминированная смена общественных формаций, в которой высшей точкой развития является коммунистическое общество. По этой причине альтернативная история не интересна для соцреализма, а художественная коррекция прошлого невозможна: «Подобный подход противоречил марксистско-ленинскому принципу исторического детерминизма и закономерности исторического развития» [1, с. 199]. В русле этих тенденций на Первом съезде советских писателей (1934 г.) был четко обозначен курс отечественной фантастики на изображение *ближайшего* будущего⁶.

Так называемая «фантастика ближнего прицела» доминировала в СССР до начала космической эры; как отмечает Мария Галина, «альтернативно-историческая научная фантастика и попаданческая научная фантастика процветали на Западе <...>, но не получили популярности в послевоенном Советском Союзе» [12, р. 47]. Возврат к теме альтернативной истории в советской литературе произошел лишь в середине 1960-х гг. в романе «Голубой человек» Лазаря Лагина (1957–1964). Это типичное произведение периода Оттепели, проникнутое надеждой на обновление общества и возвращение к изначальным коммунистическим идеалам. Этот роман представляет собой

⁵ Невский Б. Попаданцы: штампы и открытия // Мир фантастики. 2012. № 9 (109). С. 52.

⁶ Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М.: Худож. лит., 1989. 668 с. (Репринт. изд. 1934 г.). См., например, выступления Ильи Эренбурга (с. 182), Льва Кассиля (с. 171), Емельяна Ярославского (с. 240).

особый случай в истории альтернативно-исторических произведений: его можно назвать образцом *антиальтернативной истории*⁷, так как вместо того, чтобы исправлять ошибки истории и творить альтернативную утопию, противопоставленную реальности, главный герой «Голубого человека» всеми силами пытается участвовать в осуществлении *реального*, а не альтернативного прошлого.

По сюжету романа, обыкновенный советский парень⁸ Юрий Антошин внезапно переносится из 1959 в 1894 г., где проводит около шести месяцев, после чего так же внезапно возвращается в свое время, в тот же вечер, когда начались его приключения. Главное отличие «Голубого человека» от классического инварианта альтернативно-исторической хронокоррекции — отсутствие идеи коррекции истории; при этом роман построен на классическом попаданческом приеме двоемирия: в постоянном контрасте с дореволюционной Россией раскрывается совершенство советского строя и высокий моральный облик советского гражданина. В отличие от хронокорректоров, тяжело переживающих несправедливость истории, Антошин глубоко уверен в справедливости будущего, которое случится. Он не собирается изменять историю, однако все же он решает вмешаться в нее единственным возможным способом: внести посильный вклад в дело революции и лично участвовать в борьбе за коммунистические идеалы.

Отсутствие необходимости изменять историю приводит к нескольким важным концептуальным особенностям. Например, в романе отсутствуют точки бифуркации, привязанные к известным историческим событиям, такой точкой становится собственно появление хронопутешественника в прошлом. В отличие от Владычина или Пэ-дуэя, Антошин не должен устанавливать контакты с «сильными мира сего», способными повлиять на ход истории. В то же время вопрос ответственности хронокорректора за будущую историю в «Голубом человеке» решается в классическом ключе — отказ Антошина от индивидуального изменения истории не равноценен отказу от участия в ее создании. Антошин выбирает коллективную борьбу, что выражает концептуальную точку зрения советского человека: примат коллективизма над индивидуализмом. Для Лагина установление высшей

⁷ Термин «антиальтернативная история» используется К. Хеллексон в другом смысле, о чем далее в статье.

⁸ Биография Антошина — пример «усредненного» молодого советского гражданина 1950-х гг.: отец погибает на фронте в Великую Отечественную войну, мать умирает в послевоенные годы, Антошин воспитывается в детдоме, на момент описываемых событий совмещает работу на заводе с заочной учебой в институте.

формы общественного строя — коммунистической — закономерный и неизбежный процесс, который не может зависеть от воли одного человека.

Появление «Голубого человека» — это лишь частичный возврат к традиции жанра в русской литературе, начатой в первой трети XX столетия в произведениях П. Успенского, М. Первухина, И. Келлера и соавторов и прерванной триумфом «фантастики ближнего прицела». Очевидно, что произведение, подобное «Голубому человеку», не могло возникнуть в англо-американской культуре, где не происходило процессов, аналогичных советской Оттепели. Тем не менее, именно в американской литературе в 1950–1970-е гг. появилось несколько моделей литературной альтернативной истории, которые позже проявились и в русской литературе, иногда — как результат конвергенции литературных систем, иногда — в качестве очевидного заимствования.

Среди знаковых американских произведений, ставших образцами таких моделей в 1950–1970-е гг., можно назвать рассказ «И грянул гром» Рэя Брэдбери (1952; русский перевод — 1963); роман «И будет праздник»⁹ Уорда Мура (1953), роман «Конец Вечности» Айзека Азимова (1955, русский перевод — 1966), цикл «Патруль времени» Пола Андерсона (первый рассказ вышел в 1955, русский перевод — 1981). В 1960-е отметим знаменитый роман «Человек в высоком замке» (1962) Ф.К. Дика и повесть «Се человек» Майкла Муркока (1966–1967), позже переработанную в роман (1969).

Интересно, что все эти произведения разрабатывают идеи хронокоррекции и *рукотворного* создания альтернативной истории. Единственным исключением является «чистая» альтернативная история «Человек в высоком замке», в англо-американской литературе» вызвавшая волну интереса авторов и читателей к художественной литературе, изображающей мир, в котором Вторая мировая война заканчивается победой стран Оси. В то же время русскоязычный читатель открыл для себя роман Ф.К. Дика только в 1991 г., поэтому оказать существенного влияния на русскую литературу рассматриваемого периода он не мог. Единственная русская «чистая» альтернативная история 1950–1970-х гг. — это роман Василия Аксенова «Остров Крым» (1979, напечатан в эмиграции в 1981 г.), где точкой бифуркации выступает гражданская война 1918–1920 гг., по итогам кото-

⁹ Перевод наш, роман не переведен на русский язык; название в оригинале — *Bring the Jubilee*.

рой Крым (в рамках альтернативной географии романа являющийся островом) остается под властью белогвардейцев и существует как независимое государство.

Количество зарубежных альтернативно-исторических произведений, доступных среднестатистическому советскому читателю вплоть до 1980-х гг. (т. е. в официальном переводе) практически ограничивалось известным еще с дореволюционных времен «Янки...» Марка Твена, «Путешествием Пана Броучека, на этот раз в XV век» Сватоплука Чеха (русский перевод — 1955 г.), романами А. Азимова и рассказами Рэя Брэдбери. В то же время в СССР в ограниченных масштабах циркулировали зарубежные издания на языке оригинала, которые не только могли быть доступны любителям жанра, но и оказывали определенное влияние на советских авторов: например, очевидна сюжетно-композиционная связь между повестью «Се человек» (официальный русский перевод — 1994) и повестью Ильи Варшавского «Петля гистерезиса» (1968).

Рассказ «И грянул гром» Рэя Брэдбери в СССР был переведен через десять лет после публикации за рубежом (1952–1963). Этот рассказ известен использованием так называемого «эффекта бабочки»: по сюжету, раздавив бабочку в прошлом, неосторожный хронопутешественник превращается в хронокорректора, так как из-за этого, казалось бы, незначительного инцидента относительное будущее (изначальное настоящее хронопутешественника) необратимо изменяется. Иными словами, «эффект бабочки» — это зависимость относительного будущего от изменений в прошлом; непосредственно в рассказе «хронотоп не просто имеет дуальный характер (воплощая бинарную оппозицию «прошлое» / «будущее»), но он «троичен», поскольку путешествие по пространственно-временному кольцу переосмысливается Р.Д. Брэдбери: вместо возвращения в точку начала путешествия, герои посещают три абсолютно разных пространства» [10, с. 113]. Эта концепция неоднократно встречается в советской литературной альтернативистике 1950–1970-х гг., достигая апогея в повести Севера Гансовского «Винсент Ван Гог» (1970), где из-за действий протагониста в прошлом будущее изменяется настолько, что в него невозможно вернуться. В то же время необходимо отметить, что идея удачного намеренного изменения истории по-прежнему не встречается в произведениях этого периода, что согласовывается с марксистско-ленинской идеологией. Как указывал в 1974 г. советский литературовед Юлий Кагарлицкий, «современные фантасты не могут пренебречь положением о том, что направление хода истории определяется чем-то большим, нежели простая равнодействующая человеческих волей».

Мысль о том, что в истории действуют силы, находящиеся вне человека, стала общим достоянием нашего времени» [2, с. 148].

Зависимой концепции соотношения прошлого и будущего противопоставлена независимая концепция, в которой никакое изменение прошлого, совершенное хронопутешественником, не способно изменить настоящее, т. е. причинно-следственная связь между прошлым и будущим отсутствует. Именно такая концепция, как будет показано ниже, воплощается в цикле Кира Булычева «Приключения Алисы», в частности в повестях «День рождения Алисы» (1974) и «Лиловый шар» (1982).

Огромное влияние на развитие мировой альтернативной истории оказал роман Айзека Азимова «Конец Вечности» (1955), описывающий целенаправленное изменение истории, осуществляемое могущественной организацией под названием «Вечность». По роману, «Вечность» «поставила своей целью оптимизировать историю человечества методом точно рассчитанных “минимально необходимых воздействий”» [5, с. 28], т. е. корректирует историю по своему усмотрению, однако ее деятельность носит тайный характер и скрыта от обывателей; агенты Вечности имеют возможность путешествовать во времени. Учитывая, что в Советском Союзе Азимов был одним из «благонадежных» американских фантастов, в 1966 г. вышел первый перевод романа на русский язык. В советской фантастике идее организации, контролирующей историю, зачастую соответствует чисто советская реалья, перенесенная в фантастический антураж, — Научно-исследовательский Институт Времени или какое-либо научное учреждение с подобным названием. Функции такого НИИ, однако, кардинально отличаются от задач «Вечности» у Азимова: в советской фантастике на первый план выходит защита времени от несанкционированного вмешательства (*хронопреступлений*) и *хроноархеология*.

Идея хронопреступления, т. е. преступления, совершаемого путешественником из другой эпохи, по-видимому, впервые появляется в рассказах американского фантаста Бима Пайпера, позже объединенных в цикл *“Paratime”*. Первые два рассказа будущего цикла, «Он ходил рядом с лошадьми» (*“He Walked Around the Horses”*) и «Полицейская операция» (*“Police Operation”*)¹⁰ были напечатаны в американском журнале *“Astounding Science Fiction Magazine”* в 1948 г. После Пайпера в англо-американской фантастике, «начиная с 1950-х гг., сложилось целое направление о “патрулях времени”, представлен-

¹⁰ Перевод названий наш — Д.Н.

ное произведениями Пола Андерсона, Роберта Силверберга, Дэвида Дрейка и других авторов» [8].

В цикле Пола Андерсона «Патруль времени» акцент ставится на превентивной функции службы охраны времени: учитывая, что Андерсон использует зависимую концепцию времени, хронопреступление в мире его произведений приводит к созданию альтернативной истории; соответственно, Патруль времени призван препятствовать таким попыткам. Анализируя этот сюжетный ход, Карин Хеллксон приходит к выводу, что «Патруль времени» представляет собой образец антиальтернативной истории (подр. см.: [13]). Отметим, что использование термина «антиальтернативная история» относительно творчества Пола Андерсона все же представляется, по меньшей мере, сомнительным: как и в антиальтернативном «Голубом человеке», в «Патруле времени» провозглашается примат реально случившейся истории над любыми возможными вариантами ее коррекции, однако в «Голубом человеке» под антиальтернативной историей понимается идея полного *отсутствия необходимости коррекции истории*, в результате чего альтернативная история не возникает, тогда как в цикле Андерсона речь идет, скорее, об *антихронокоррекции*, так как альтернативная история — как побочный эффект преступлений — возникает, однако подлежит уничтожению (возврату к реальной истории).

Вообще советская фантастика в 1950–1970-е гг. зачастую развивается по моделям, отличным от американской массовой литературы, однако мотив хронопреступления, позволяющий ввести в альтернативно-историческую фантастику элементы массовых жанров, прежде всего, авантюрно-приключенческого романа и детектива, был усвоен отечественными авторами практически моментально. Для зарубежной фантастики характерно совершение преступления в настоящем (или объективном будущем) и бегство преступника в прошлое, тогда как для советских произведений характерна *хроноконтрабанда*, т. е. несанкционированный перенос предметов из прошлого в будущее, чаще всего — с целью личного обогащения.

Примером может служить рассказ Евгения Войсунского и Исаея Лукодянова «На перекрестках времени» (1964), в котором объектом похищения из 1911 г. в будущее становится выставленная в Лувре статуя Ники Самофракийской. Противоположностью хроноконтрабанде в советской литературе этого периода выступает хроноархеология — спасение ценных артефактов из прошлого в научных целях, рассматриваемое с безоговорочно позитивных позиций. Хроноархеология неоднократно встречается, например, у Кира Булычева — кроме «Приключений Алисы», можно назвать рассказ «Поломка на линии»

(написан в 1968 г., опубликован в 1970 г.), в котором современник автора и читателя случайно обнаруживает некий «грузовой лифт» между эпохами и использует эту возможность, чтобы помочь любимому писателю, умирающему от голода в блокадном Ленинграде.

То, как идея хронопреступления видоизменилась в советской фантастике, демонстрирует повесть Севера Гансовского «Винсент Ван Гог» (1970), обнаруживающая значительное типологическое сходство с «Голубым человеком». Так же, как у Лагина, в «Винсенте Ван Гоге» фантастическая предпосылка (путешествие в прошлое) сочетается с поэтикой реалистического исторического романа; если Голубой человек — своеобразный путеводитель по дореволюционной Москве и энциклопедия жизни московских рабочих конца XIX — начала XX в., то реалистическое содержание повести Гансовского очевидно из ее названия — это не только романизированные фрагменты биографии Ван Гога, но и искусствоведческое пособие по наиболее известным его произведениям.

В мире повести путешествие во времени является общеизвестным научным изобретением. Оно не связано с путешествием в пространстве, так как попаданец в эпохе назначения появляется абсолютно в той же географической точке, где он находился в своем времени. Перемещаться можно только в относительное прошлое и обратно; в относительное будущее перемещаться невозможно, так как абсолютного будущего нет, хотя существует будущее относительное: «Будущее — это бесконечность альтернативных вариантов, и какой из них станет бытием, полностью диктуется всеми нами» [18, с. 212].

Прошлое можно изменить, воздействовав на него из будущего, однако результат этого изменения непредсказуем, так как «и прошлое, и будущее — все существует одновременно» [18, с. 125]; «любое изменение в прошлом вызывает новую последовательность событий <...> вся история мгновенно в нулевое время перестраивается, а людям кажется, что всегда так и было» [18, с. 138], — это последовательное воплощение «эффекта бабочки». В этой модели множеству вариантов неслучившегося будущего противопоставлена строгая линейность *единственного* объективного прошлого, могущего изменяться неисчислимым количеством раз.

Главный герой — хроноконтрабандист, стремящийся купить картины еще неизвестного Ван Гога за бесценок в прошлом и продать их за огромную сумму в своем настоящем, — несколько раз незаконно отправляется в прошлое; там он сначала навещает Иоганну — распорядительницу наследия Ван Гога, а позже три раза встречается с самим Ван Гогом: «Я видел художника, когда он только начинал зани-

маться живописью, посетил и в середине пути. Теперь имело смысл посмотреть, каким Ван Гог будет к концу своей жизни» [18, с. 192]. Отметим, что главный герой пытается не только обмануть историю, но и изменить ее: каждый раз он не крадет, а покупает картины у художника, рассчитывая, что на полученные деньги Ван Гог сможет улучшить свое стесненное материальное положение.

Композиция «Винсента Ван Гога» следует кольцевому принципу: за путешествием главного героя в прошлое следует возвращение в его настоящее, несколько изменившееся в результате хронопутешествия, затем следует новое путешествие, новое возвращение и так далее. Причиной возвращений протагониста в прошлое является неконтролируемость созданной, т. е. альтернативной истории — ему удается перенести картины Ван Гога в свое настоящее (относительное будущее), но каждый раз из-за изменений объективной истории эти картины теряют свою ценность.

Важно отметить, что в системе темпоральных отношений, предлагаемой Гансовским, предусмотрена возможность исправления изменений истории — возвращения к ее предыдущему варианту. Именно этим занимается главный герой повести, каждый раз пытаясь «перекрыть» историю по своему варианту. Композиционное кольцо разрывается после третьей встречи главного героя с Ван Гогом — по какой-то причине портал для перемещений не срабатывает, и протагонисту приходится навсегда остаться в прошлом, прожив *личную* альтернативную историю. Эта история практически совпадает с той, которая считалась *объективной* в настоящем протагониста, за исключением его последней, третьей встречи с художником, которая становится частью *объективной* реальности. Таким образом, протагонист «Винсента Ван Гога», помимо собственного желания, навсегда остается в альтернативной истории, созданной им самим.

«Советская» сущность повести Гансовского проявляется в сильном воспитательном элементе: по ходу развития сюжета повесть из авантюрно-приключенческой превращается в философское повествование о силе искусства. Происходит полное перерождение главного героя: под влиянием общения с Ван Гогом он превращается из легкомысленного эгоистичного афериста, мечтающего лишь об обогащении, в тонко чувствующую искусство личность, посвящающую свою жизнь служению обществу (участие в Сопротивлении в годы Второй мировой войны, работа сторожем в музее Ван Гога). «Винсент Ван Гог» — это и «взрослый» вариант советской повести воспитания, типологически близкий философско-этическому течению в советской фантастике 1960–1970-х гг.

Морально-этический компонент, вытесняющий на второй план собственно детективно-приключенческие мотивы, в целом характерен для советской хронокоррекции 1960–1970-х гг. Например, в рассказе Дмитрия Биленкина «Принцип неопределенности» (1973), главный герой, хронопатрульный Берг, жертвует своей жизнью ради спасения незнакомой девушки. Биленкин подробно излагает законы хронопутешествия и ограничения на изменение прошлого. В стремлении дать строгую научную основу хронокоррекции проявляется яркое отличие советских произведений от соответствующих англо-американских — если в «Патруле времени» Пола Андерсона или «Поиске на перекрестке времен» Андрэ Нортон (1955–1956) внимание уделено, прежде всего, динамическому сюжету, то у Биленкина подробно разбираются постулаты «темпоралики», науки, изучающей закономерности взаимодействия пространства и времени. Типичная для фантастики этого периода служба охраны времени, в которой работает Берг, выполняет двоякую функцию: кроме, собственно, защиты прошлого от преступных вмешательств (т. е. противодействия созданию альтернативной истории), эта служба занимается хроноархеологией.

Очередной моделью, заложенной в англо-американской альтернативистике и позже развитой в советской фантастике, является замена альтернативной истории объективной реальностью: хронокорректор, изначально обитающий в альтернативно-историческом мире, таким образом изменяет историю, что она совпадает с реально зафиксированной. Первый раз этот прием зафиксирован в романе “Bring the Jubilee” (1953) американского фантаста Уорда Мура: главный герой романа, Ходж Маккормик Бекмейкер, — живет в альтернативном XX в.; в его мире Конфедерация одержала победу над Севером в Гражданской войне¹¹. С помощью машины времени Ходж из 1952 г. отправляется в 1863, где непреднамеренно убивает одного из авторов будущей победы Юга в войне. В итоге последующая история изменяется, однако не непредсказуемо, а в сторону слияния с объективной реальностью. Ходж навсегда остается в новом для себя мире; при этом он сохраняет полное знание о своей изначальной реальности. В эпилоге романа рассказывается о книге, найденной потомками Ходжа и повествующей об альтернативном мире, в котором он вырос.

Роман Уорда до настоящего времени не переведен на русский язык, однако нельзя не отметить типологическое сходство “Bring the

¹¹ Как известно, победа Юга в войне 1861–1865 гг. — частая точка бифуркации в американской фантастике.

Jubilee” и рассказа Севера Гансовского «Демон истории» (1968). Так же как в романе Уорда, у Гансовского используется «хронокоррекция наоборот»: главный герой, некий Чисон, обитает в альтернативной реальности, которая из-за его действий в прошлом сливается с исторически зафиксированной, т. е. становится объективной. Действие рассказа изначально разворачивается в альтернативном мире, история которого схожа, но не совпадает с реальной историей XX в. — в Мировой войне легко угадывается Вторая мировая война, в фигуре Астера — Гитлер; по-иному функционируют, но легко распознаются механизмы массового уничтожения людей, практиковавшиеся нацистами.

Чисон, подобно Ходжу и другим протагонистам *запланированного* хронопутешествия, отправляется в предварительно выбранную точку бифуркации — день, когда происходит неудачная попытка убийства Астера; его цель — устранить Астера и предотвратить наступление Мировой войны. Таким образом, если Ходж изменяет историю по чистой случайности, то Чисон придерживается идеи зависимости истории от действий «сильной личности», роль которой в рассказе играет Астер: по мнению Чисона, как только исчезнет Астер, история тут же примет кардинально иной, менее трагичный оборот.

Однако события рассказа опровергают это предположение: Астер убит, попаданец возвращается в свое тело в будущее, и под воздействием изменения прошлого история действительно становится другой — но не кардинально, как предполагал Чисон: меняются лишь детали; воспоминания протагониста заменяются новыми, соответствующими измененной объективной истории: «Какой-то процесс происходил в его сознании <...> Одно представление о прошедшей эпохе сменялось другим, и то, прежнее, растворялось безвозвратно в небытии» [19, с. 177]. В итоге новая реальность, альтернативная для Чисона, — это объективная реальность нашего мира, в которой место Астера занял Гитлер — второстепенный персонаж рассказа, которого главный герой встречает в прошлом. Как резюмирует Виктор Ковалев, «на смену одному бесноватому придет другой и будут использованы другие технологии массового уничтожения» [3, с. 154].

В отличие от “Bring the Jubilee”, Гансовский обращается непосредственно к читателю и объясняет марксистско-ленинскую концепцию истории: «Истории безразлично один, второй или третий <...> Суть не в личности, а в чем-то большем: в инерции обстоятельств, экономике, расстановке классовых сил <...> никто не силен настолько, чтоб одним собой образовать атмосферу времени» [19, с. 177–178]. Иными словами, Историю по своему усмотрению изменить невоз-

можно, прежде всего, по той причине, что она являет собой совокупность факторов, не зависящих от конкретных личностей; История творит «сильных людей», а не наоборот.

Модель, в которой сочетаются элементы альтернативной истории и классической темпоральной фантастики, представлена в повести Ильи Варшавского «Петля гистерезиса» (1968), построенной на использовании эффекта хроноклазма (временной петли). Главный герой, ученый из будущего Курочкин, путешествует в I в. н. э. с целью опровергнуть реальность Иисуса Христа, однако в итоге проведенные им в прошлом четыре дня становятся основой рассказов о жизни Иисуса, причем в роли Мессии оказывается сам Курочкин — попаданец «наоборот», так как вместо альтернативной истории (как последовательности событий) он создает альтернативное начало *объективной* истории. Курочкин отправляется в прошлое как хронотурист, но в итоге становится творцом истории (хронокорректор).

«Петля гистерезиса» — единственный среди рассмотренных в настоящей статье случаев, когда можно практически с полной уверенностью утверждать, что речь идет не просто о влиянии или конвергенции образцов альтернативной истории в двух национальных литературах, а о прямом заимствовании: идея повести Варшавского наследует повести Майкла Муркока «Се человек» (1966), где главный герой — Карл Глогауэр, как и Курочкин, отправляется в прошлое в поисках Иисуса Христа и в итоге сам умирает на Голгофе. «Петля гистерезиса», подобно многим советским фантастическим произведениям 1960-х гг. (и в отличие от американского варианта сюжета), носит ярко выраженный сатирический характер. Так, описание Научно-исследовательского института, занимающегося организацией хронопутешествий, весьма схоже с НИИЧАВО из повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» (1965), где открыто высмеивается советская бюрократия.

Интересно, что через несколько лет после публикации «Се человек» (в 1969 г.) Муркок переработал ее в полноценный роман; значительной переработке по сравнению с первым изданием подверглась и повесть Ильи Варшавского: в первом издании¹² путешествие Курочкина в прошлое оказывалось фикцией, подстроенной его коллегами по работе, что акцентировало социальную сатиру в произведении. В последующих изданиях¹³ автор изменил концовку, в результате чего

¹² Журнал «Искатель», № 4 за 1968 г.

¹³ Начиная с издания в сборнике «Лавка сновидений» (М.: Сов. писатель, 1970).

главной темой рассказа стали взаимоотношения человека и времени: у Варшавского не просто опровергается власть человека над историей, а сам человек, не осознавая того, становится орудием истории.

Наконец, к середине 1970-х гг. в русской альтернативистике снова появляется классический хронокорректор, подобный Роману Владычину или Мартину Пэдуэю. Учитывая общую ситуацию, сложившуюся в советской культуре в этот период, не удивительно, что это происходит в литературе, ориентированной на детей и юношество, конкретно — в уже упомянутом цикле Кира Булычева «Приключения Алисы» (1965–2003), посвященном приключениям девочки Алисы Селезневой из XXI в. Некоторые повести цикла — классическая темпоральная фантастика, в которой либо Алиса выступает хронотуристом (рассказ «Свой человек в прошлом» (1965) из сборника «Девочка, с которой ничего не случится»), либо в ином времени развивается авантюрно-приключенческий сюжет (повесть «Сто лет тому вперед», 1978; подцикл «Алиса и ее друзья в лабиринтах истории»). В мире Алисы путешествия во времени (исключительно в относительное прошлое, т. е. предшествующее настоящему Алисы) доступны и научно обоснованы, однако строго регламентированы и находятся в ведении Института Времени. Альтернативно-историческими являются повести «День рождения Алисы» и «Лиловый шар», в которых Алиса путешествует назад во времени, чтобы исправить прошлое и спасти настоящее, т. е. играет роль попаданца-корректора прошлого.

У Булычева альтернативно-историческое попаданчество развивается в героической плоскости и в какой-то мере отражает опасения эпохи Холодной войны: в обоих произведениях используется мотив спасения мира от биологической катастрофы — некой инфекции, которая убивает все живое («День рождения Алисы») или провоцирует массовое безумие и бесконтрольное насилие («Лиловый шар»). Наиболее полно этот мотив разрабатывается в «Дне рождения Алисы»: действие происходит на лишенной гуманоидной жизни планете Колеида, население которой погибло от загадочной болезни под названием «космическая чума». Алисе предстоит вернуться в прошлое с разработанной против космической чумы вакциной, использовать лекарство и таким образом вернуть колеидскую цивилизацию к жизни; после серии приключений в прошлом, Алиса выполняет задание и возвращается на «оживленную» Колеиду.

В этом случае очевидны элементы альтернативно-исторического попаданчества: осознание несправедливости настоящего (гибель колеидцев), осознание возможности изменения настоящего путем воздействия на прошлое, запланированное путешествие в прошлое,

наконец, успешное изменение прошлого в общественно значимых целях (ни сама Алиса, ни в целом земляне получают никакой прямой выгоды от исправления истории). Отметим, что это изменение носит ограниченный, «точечный» характер: «оживление» Колеиды не влечет за собой никаких последствий глобального масштаба и никак не влияет на всеобщую историю.

При этом знание о «мертвой» Колеиде, кроме Алисы, сохраняют члены космической экспедиции, ожидающие возвращения девочки из прошлого: «Мы увидели, как в одну секунду поля стали зелеными. И высокие дома выросли на месте старого города <...> И мы поняли, что Алиса убила космическую чуму» [17, с. 232]. Этот эффект отличен от ситуации, когда попаданец возвращается в новое настоящее, появившееся в результате коррекции истории, и только он сохраняет знание о реальности, существовавшей до изменений истории (например, в повести «Винсент Ван Гог»).

В более поздней повести «Лиловый шар» также используется мотив спасения мира от катастрофы, однако, по сравнению с «Днем рождения...», этот мотив менее разработан и более отклоняется от классического варианта: трагедия еще не случилась, но путешествие в прошлое должно исключить какую-либо ее возможность. По сюжету, некая инопланетная раса в далеком прошлом оставила на Земле бактериологическое оружие замедленного действия («лиловый шар»), которое должно уничтожить все живое и таким образом подготовить планету для колонизации. Задача Алисы, действующей все так же в общественно значимых гуманистических целях, — найти лиловый шар и не допустить его попадания в будущее; здесь видится негативный вариант хроноархеологии — обнаружение предмета в прошлом не для его переноса в безопасное будущее, а для его уничтожения. Важно то, что и здесь реализуется та же концепция времени и истории, что и в «Дне рождения...»: целенаправленное воздействие на прошлое способно изменить настоящее, однако коррекция носит точечный характер и никак не влияет на общий характер настоящего главной героини; «эффект бабочки» не реализуется.

Таким образом, богатый арсенал отечественной альтернативной истории, накопленный к 1930-м гг. («БЕСЦЕРЕМОННЫЙ РОМАН», романы Михаила Первухина), в 1950–1970-е гг. оказался практически не востребованным советскими авторами. Этот период в развитии отечественной литературной альтернативной истории характеризуется активным использованием различных сюжетно-композиционных моделей и мотивов, ранее представленных в англо-американской фантастике. Единственной моделью, активной в

русской литературе и неизвестной англо-американской фантастике, является антиальтернативная история («Голубой человек» Лазаря Лагина), что объясняется типичной «оттепельной» поэтикой этого произведения и его соответствию постулатам марксистско-ленинской концепции истории. Взаимодействие русской и англо-американской альтернативистики в некоторых случаях сводится к явному заимствованию («Петля гистерезиса» Ильи Варшавского и «Се человек» Майкла Муркока), однако в целом, в отсутствии конкретных доказательств обратного, сходство русских и англо-американских произведений можно объяснить процессами типологической конвергенции литературных систем. От антиальтернативной истории через многочисленные варианты хронокоррекционного сюжета советская фантастика постепенно возвращается к классической (т. е. намеренной и удачной) хронокоррекции лишь в середине 1970-х гг. (цикл «Приключения Алисы» Кира Булычева).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Гуларян А.Б. Эволюция жанра альтернативной истории в российской фантастике // Пятые Лемовские чтения: сб. материалов Международ. науч. конф. памяти Станислава Лема / отв. ред. А.Ю. Нестеров. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. С. 198–211.
2. Кагарлицкий Ю. Что такое фантастика? М.: Худож. лит., 1974. 352 с.
3. Ковалев В.А. Наше непредсказуемое прошлое: попасть в альтернативу // Россия и современный мир. 2014. № 1 (82). С. 141–161.
4. Козлов И.В. Полижанровая природа советской научной фантастики 1920-х годов // Дергачевские чтения–2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций: материалы IX Международ. науч. конф., Екатеринбург, 9–11 октября 2008 г.: в 2 т. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. Т. 2. С. 143–150.
5. Лобин А.М. К вопросу об эволюции авторских концепций истории в научной фантастике XX–XXI веков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1, ч. 2. С. 28–30.
6. Лобин А.М. Повествовательное пространство и магистральный сюжет современного историко-фантастического романа. Ульяновск: УлГТУ, 2008. 132 с.
7. Музыка О.А. Бифуркации в природе и обществе: естественнонауч-

- ный и социосинергетический аспект // Современные наукоемкие технологии. 2011. № 1. С. 87–91.
8. *Невский Б.* Носик Клеопатры: Альтернативно-историческая фантастика. URL: http://alternativa.lib.ru/ah/subject/ai_science/index20223card22143.htm (дата обращения: 07.12.2023).
 9. *Петухова Е., Чёрный И.* Современный русский историко-фантастический роман. М.: Мануфактура, 2003. 136 с.
 10. *Романцова Н.В.* Пространственно-временная организация художественного мира в новелле Р.Д. Брэдли «И грянул гром» // Приволжский научный вестник. 2013. № 12 (28), ч. 1. С. 112–113.
 11. *Carver B.* Alternate Histories and Nineteenth-Century Literature: Unlikely Meditations in Britain, France, and America. London: Palgrave Macmillan, 2017. xviii, 292 p.
 12. *Galina M.* Ressentiment and Post-traumatic Syndroms in Russian Fiction // The Post-Soviet Politics of Utopia: Language, Fiction and Fantasy in Modern Russia / ed. by M. Suslov, P.-A. Bodin. London: I.B. Taurus, 2020. P. 39–60.
 13. *Hellekson K.* Poul Anderson's Time Patrol as Anti-Alternate History // Extrapolation. 1996. Vol. 37, № 3. P. 234–244.
 14. *Koshino G.* Alternative Russian Revolution: Viacheslav Rybakov and Kir Bulychyev // The Post-Soviet Politics of Utopia: Language, Fiction and Fantasy in Modern Russia / ed. by M. Suslov, P.-A. Bodin. London: I.B. Taurus, 2020. P. 23–38.
 15. *Suvín D.* Metamorphoses of Science Fiction: On the Poetics and History of a Literary Genre. New Haven; London: Yale University Press, 1979. 336 p.
 16. *Wesseling E.* Writing History as a Prophet. Postmodern Innovations of the Historical Novel. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 1991. 228 p.

Источники

17. *Булычев Кир.* День рождения Алисы // Булычев Кир. Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Хронос, 1993–1999. Т. 3: День рождения Алисы. С. 121–236.
18. *Гансовский С.Ф.* Винсент Ван Гог // Гансовский С.Ф. Идет человек. М.: Молодая гвардия, 1971. С. 122–212.
19. *Гансовский С.* Демон истории // Фантастика, 1967. М.: Молодая гвардия, 1968. Вып. 1. С. 159–178.

ALTERNATE HISTORY IN RUSSIAN LITERATURE AND ANGLO-AMERICAN SCIENCE FICTION: 1950–1970S

© 2024. Dmitry V. Novokhatskiy

Abstract: After successful experiments in the 1920s (“BESCEREMONNYI ROMAN”), alternate history disappears from Russian literature, until the Thaw period; meanwhile in the United States the novel “Lest Darkness Fall!”, later acclaimed as a classic of sci-fi correction of history, is published in 1939; then a number of literary alternate history models appear in the 1950–1960s. With the exception of the novel “The Blue Man” by L. Lagin, which implies *anti-alternative* history model unparalleled in Anglo-American alternate history fiction, Russian alternate history makes active use of these models through the 1960s and 1970s: thus, the *butterfly effect* (“A Sound of Thunder” by R. Bradbury) is emphasized in the long story “Vincent Van Gogh” by S. Gansovsky; the idea of an alternative world transition into a real one (“Bring the Jubilee” by W. Moore) makes the essence of the short story “The Demon of History”; following the sample of the long story “Behold the Man” by M. Moorcock, time-travel sci-fi (which initially does not aspire of changing history) in “The Hysteresis Loop” by I. Varshavsky turns into correction of the past. The *time crime*, very popular with American authors (P. Anderson’s “The Time Patrol”), in Soviet fiction breaks down into chronoarchaeology (rescue of artefacts from the past) and chronocontraband (unauthorized transfer of objects from the past into the future). The return to the tradition of classical correction of history (successful planned alteration of the past) in Russian literature occurs finally in the mid-1970s in Kir Bulychev’s young adult cycle “The Adventures of Alisa”.

Keywords: science fiction, literary alternate history, correction of history, time travel, history of literature.

Information about the author: Dmitry V. Novokhatskiy, PhD in Philology, Associate Professor.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6309-5428>

E-mail: dmitry.novokhatskiy@unipd.it

For citation: Novokhatskiy, D.V. “Alternate History in Russian Literature and Anglo-American Science Fiction: 1950–1970s.” *Codex manuscriptus*, issue 4. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 234–255. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-4-234-255>

REFERENCES

1. Gularyan, A.B. "Evolutsiia zhanra al'ternativnoi istorii v rossiiskoi fantastike" ["Evolution of the Genre of Alternative History in Russian Science Fiction"]. Nesterov, A.Iu., editor. *Piatye Lemovskie chteniia: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati Stanislava Lema* [The Fifth Lem Readings: Collection of Materials of the International Scientific Conference in Memory of Stanislaw Lem]. Samara, Samara Humanitarian Academy Publ., 2020, pp. 198–211. (In Russ.)
2. Kagarlitskii, Iu. *Chto takoe fantastika?* [What Science Fiction Is?]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1974. 352 p. (In Russ.)
3. Kovalev, V.A. "Nashe nepredskazuemoe proshloe: popast' v al'ternativu" ["Our Unpredictable Past: Getting into the Alternative"]. *Rossii i sovremnyi mir*, no. 1 (82), 2014, pp. 141–161. (In Russ.)
4. Kozlov, I. "Polizhanrovaia priroda sovetskoi nauchnoi fantastiki 1920-kh godov" ["A Multi-Genre Nature of Soviet Science Fiction in 1920s"]. *Dergachevskie chteniia–2008. Russkaia literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti. Problema zhanrovnykh nominatsii: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Ekaterinburg, 9–11 oktiabria 2008 g.: v 2 t.* [Dergachev Readings–2008. Russian Literature: National Development and Regional Peculiarities. The Problem of Genre Nominations: Materials of the 9th International Scientific Conference, Yekaterinburg, October 9–11, 2008: in 2 vols.], vol. 2. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2009, pp. 143–150. (In Russ.)
5. Lobin, A. "K voprosu ob evoliutsii avtorskikh kontseptsii istorii v nauchnoi fantastike XX–XXI vekov" ["To the Question of Author's Conceptions of History in the 20th–21st Centuries Science Fiction"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1, part 2, 2016, pp. 28–30. (In Russ.)
6. Lobin, A. *Povestvovatel'noe prostranstvo i magistral'nyi siuzhet sovremennogo istoriko-fantasticheskogo romana* [Narrative Space and Main Plot of Contemporary Science Fiction Historical Novel]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University Publ., 2008. 132 p. (In Russ.)
7. Muzyka, O.A. "Bifurkatsii v prirode i obshchestve: estestvennonauchnyi i sotsiosinergeticheskii aspekt" ["Bifurcations in Nature and Society: Natural Science and Socio-Synergetic Approach"]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, no. 1, 2011, pp. 87–91. (In Russ.)
8. Nevskii, B. *Nosik Kleopatry: Al'ternativno-istoricheskaia fantastika* [Cleopatra's Nose: Alternate History Science Fiction]. Available at: http://alternativa.lib.ru/ah/subject/ai_science/index20223card22143.htm > (Accessed 07 December 2023). (In Russ.)
9. Petukhova, E., and I. Chernyi. *Sovremennyi russkii istoriko-fantasticheskii*

- roman [*Contemporary Russian Historical-Science Fiction Novel*]. Moscow, Manufaktura Publ., 2003. 136 p. (In Russ.)
10. Romantsova, N.V. "Prostranstvenno-vremennaia organizatsiia khudozhestvennogo mira v novelle R.D. Bredberi 'I grianul grom'" ["Spatial and Temporal Organization of Imaginary Reality in R.D. Bradbury's Novella 'A Sound of Thunder'"]. *Privolzhskii nauchnyi vestnik*, no. 12 (28), part 1, 2013, pp. 112–113. (In Russ.)
 11. Carver, Ben. *Alternate Histories and Nineteenth-Century Literature: Untimely Meditations in Britain, France, and America*. London, Palgrave Macmillan, 2017. xviii, 292 p. (In English)
 12. Galina, Maria. "Ressentiment and Post-traumatic Syndroms in Russian Fiction." Suslov, Mikhail, and Per-Arne Bodin, editors. *The Post-Soviet Politics of Utopia: Language, Fiction and Fantasy in Modern Russia*. London, I.B. Taurus, 2020, pp. 39–60. (In English)
 13. Hellekson, Karen. "Poul Anderson's Time Patrol as Anti-Alternate History." *Extrapolation*, vol. 37, no. 3, 1996, pp. 234–244. (In English)
 14. Koshino, Go. "Alternative Russian Revolution: Viacheslav Rybakov and Kir Bulychev." Suslov, Mikhail, and Per-Arne Bodin, editors. *The Post-Soviet Politics of Utopia: Language, Fiction and Fantasy in Modern Russia*. London, I.B. Taurus, 2020, pp. 23–38. (In English)
 15. Suvin, Darko. *Metamorphoses of Science Fiction: On the Poetics and History of a Literary Genre*. New Haven, London, Yale University Press, 1979. 336 p. (In English)
 16. Wesseling, Elisabeth. *Writing History as a Prophet. Postmodern Innovations of the Historical Novel*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ., 1991. 228 p. (In English)